

Нин Цзяньцинь замерла. Эти слова прогремели в её голове подобно грому среди ясного неба. Она резко обернулась и увидела виноватую, перекошенную рожу мужа. Так это... правда?!

Обида и унижение лишили её сил. Едва удержавшись на ногах и толком не опомнившись, она замахнулась, метя ладонью в лицо Нин Цзяньциню:

— Да что ты за бред несёшь?!

Нин Цзяньцин перехватил её запястье. Подавшись ближе к её уху, он едва слышно, ровным и почти ласковым шёпотом произнёс:

— Сделай это. Подними на меня руку — и снимки того, как твой благоверный кувыркается с мальчиками и девочками, появятся на каждом сайте, про который ты слышала. Хочешь проверить?

— Ты... ты смеешь мне угрожать?! — Нин Цзяньцинь сжала зубы с таким хрустом, будто готова была разможить их. Её взгляд, налитый яростью, вёлся в лицо Нин Цзяньциня; казалось, она готова разорвать его на куски и сожрать заживо.

— Именно. Я тебе угрожаю, — Нин Цзяньцин разжал пальцы и полез в карман. — И советую приберечь силы: вечером дома они тебе понадобятся, чтобы устроить взбучку своему никчёмному муженьку.

— Ты!..

Достав свой привычный клетчатый платок из льна и хлопка, Нин Цзяньцин демонстративно брезгливо вытер пальцы — там, где касался её запястья, — и на её глазах швырнул его в мусорное ведро.

Снова спрятав руки в карманы, он выпрямился. Черты его лица оставались по-прежнему мягкими и безмятежными, но голос прозвучал настолько ледяным, точно его вымочили в ледниковой воде. Нин Цзяньцинь невольно вздрогнула.

— Что всё это значит?! — выдавила она, сжимая челюсти и не сводя глаз с платка, валяющегося среди мусора.

Нин Цзяньцин едва приподнял веки и чеканно, почти небрежно уронил:

— Ты мне омерзительна. Мне тошно от тебя.

— Вырадок!

Нин Цзяньцинъ затрясло от бешеной обиды. Она — избалованная, выросшая в роскоши барышня с золотой ложкой во рту — оказалась «грязной» в глазах дрянного ублюдка, выжившего лишь благодаря тому, что из него годами качали кровь!

Встретившись с его брезгливым взглядом, она вдруг остро осознала: её собственный муж... этот мерзавец годами ложился с ней в постель, прикасался к ней теми же руками, которыми трогал случайных девок и мальчишек, и при этом разыгрывал нежную любовь!

Она целыми днями язвила по поводу старшей сестры и её трещавшего по швам брака, а на деле... на деле посмешищем всё это время была она сама!

Разум Нин Цзяньцинъ окончательно отчалил. Не выдержав, она вырвала из рук младшей сестры тяжёлую хрустальную вазу для фруктов и со всей дури швырнула её в Нин Цзяньцзина.

— Вторая сестра, ты чего... — ахнула Нин Цзяньчжэн, но, проследив за её взглядом, тут же истошно визгнула: — Диди, осторожно!

Маленькая Сян Ди как раз в это мгновение выскочила наперерез, пытаясь подхватить укатившийся мячик. Хрустальная ваза была массивная и невероятно тяжёлая — угоди эта махина в ребёнка, она бы искалечила его или вовсе убила на месте!

— Диди!

Нин Цзяньцзин шёл не торопясь. Услышав испуганный окрик младшей сестры, он обернулся и успел увидеть, как в воздух взлетает хрустальная махина, а прямо под неё стремительно выбегает малышка.

Подчинившись инстинкту, Нин Цзяньцзин сгреб девочку в охапку, закрывая её своим телом, и развернулся спиной. Тяжёлая хрустальная ваза с оглушительным глухим треском обрушилась прямо ему на лопатки.

Дикая, разрывающая боль волной прошла по каждому нерву. Нин Цзяньцзин сдавленно охнул; ноги подкосились, и он снопом рухнул на колени.

Ваза отскочила от его спины, грохнулась на паркет и разлетелась на сотни осколков, огласив гостиную оглушительным звоном. Сян Ди на пару секунд оцепенела от ужаса, после чего зашлась залиvistым плачем.

Нин Цзяньяо мгновенно вскочил с места:

— Ты что вытворяешь?!

— Я... я... — Нин Цзяньцин сама обомлела от содеянного. Попятившись на пару шагов, она в ужасе уставилась на собственные ладони, а затем ткнула дрожащим пальцем в Нин Цзяньцзина: — Он... он оскорбил меня!

Нин Цзяньяо одарил её ледяным взглядом:

— И потому ты решила устроить расправу?! Да если бы этот хрусталь угодил в Диди, ты бы локти кусала, да поздно было бы!

— Этот мелкий... — встретившись с его суровым взглядом, Нин Цзяньцин осеклась, сбавила тон и виновато забормотала: — Он же младший! Позволил себе наговорить мне такой гадости, смешал с грязью Сян Чжэна! Как нам с мужем после этого людям в глаза смотреть?!

Нин Цзяньяо даже не стал её слушать. Подошёл к Нин Цзяньцину и опустился перед ним на корточки:

— Ты как? Цел?

Нин Цзяньцин качнул головой. Его губы в мгновение ока побелели; ему пришлось до крови прикусить их, чтобы вернуть хоть каплю цвета. Сжав зубы, он выдавил беспечную ухмылку:

— Раз не сдох — значит, ерунда.

Нин Цзяньяо коротко кивнул и протянул руки, намереваясь забрать Сян Ди, но девочка сжалась в комок, вцепилась мёртвой хваткой в шею Нин Цзяньцзина и заревела с новой силой:

— Не хочу, не хочу! Хочу к младшему дяде!

Спина Нин Цзяньцзина пылала огнём: от ушибленной кожи до самого позвоночника ковыряла тупая, ломающая боль. Каждое неловкое движение испуганного ребёнка отзывалось вспышкой муки, выбивая холодный пот. Переведя дыхание, он осторожно перехватил малышку другой рукой и погладил её по мягкой щёчке:

— Ну-ну, тихо... Не бойся, всё хорошо.

Девочка продолжала всхлипывать. Нин Цзяньцин слегка коснулся пальцем её носика и мягко подкупил:

— Если наша Диди сейчас перестанет плакать, младший дядя подарит ей кое-что очень красивое. Идёт?

— К-какой... подарок? — шмыгая носом и заикаясь от икоты, спросила она.

Боль становилась невыносимой, держаться на весу больше не было сил. Чуть поморщившись, Нин Цзяньцзин опустился совсем низко и пересадил племянницу себе на колено. Затем снял с уха кафф с сапфиром, отцепил гвоздик и ловко закрепил драгоценную подвеску на тоненькой цепочке у неё на шее.

— Нравится? — спросил он.

Сян Ди изо всех сил закивала и вытерла кулачком оставшиеся слёзы. Нин Цзяньцзин ласково взъерошил её волосенки:

— Вот и умница. А теперь улыбнись дяде.

Малышка тут же расплылась в счастливой улыбке, крепко сжав сияющий камень в крошечном кулачке.

Бережно передав её на руки Нин Цзяньяо, Нин Цзяньцзин поднимался с колен медленно и тяжело. Не оборачиваясь, он направился к выходу.

— Ты куда? — окликнул его брат.

Небрежно сунув одну руку в карман, Нин Цзяньцзин другой махнул через плечо, сохраняя нарочито небрежный тон:

— Я же сказал: по паре слов каждому. Дела сделаны, пора и честь знать. Не буду мешать вашему семейному идиллическому кругу. И на будущее... ради вашего же здоровья, не зовите меня больше на такие сборища.

Нин Цзяньяо тяжело вздохнул. Окинув взглядом разгромленную гостиную и заходящуюся в истерику родню, он укоризненно произнёс:

— Сяо Нин, почему ты никак не научишься вести себя по-человечески? Мы ведь одна семья. Обязательно выпускать иголки по любому поводу?

Нин Цзяньцзин замер на месте, а затем прислонился плечом к дверному косяку, с трудом удерживая на губах едкую ухмылку:

— Ого, у старшего молодого господина ещё остались ко мне нотации? Что ж, выкладывайте, я весь внимание.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я! — нахмурился Нин Цзяньяо.

— Конечно, понимаю, — кивнул Нин Цзяньцзин. — Вот только до меня всё никак не дойдёт, что именно вы имеете в виду. Так не соизволите ли разъяснить?

Нин Цзяньяо сцепил зубы, подавляя закипающее раздражение. Он всегда чувствовал вину перед Сяо Нином и годами пытался хоть как-то загладить её, сгладить острые углы между ним и остальными.

Всё-таки они родная кровь. Стоило брату хоть немного уступить, проявить хоть каплю гибкости...

Нин Цзяньяо прокручивал многомиллионные сделки, не моргнув глазом, но против Нин Цзяньцзина был бессилён. Тот с самого детства вёл себя одинаково — смотрел на всех в этом доме как на заклятых врагов.

Да, он знал, на какие жертвы тому пришлось пойти. Но если в нём накопилась желчь, почему не выплеснуть её на него лично? Зачем вставать на дыбы против каждого члена семьи?!

— Сяо Нин, у сестёр просто язык без костей, они вспыльчивые, но ты же за столько лет мог бы привыкнуть! Когда они желали тебе зла по-настоящему? К тому же мама уже в годах. Я знаю, её слова прозвучали грубо, и я прошу за неё прощения — поверь, никто не собирается отбирать у тебя акции! Она растила тебя столько лет, неужели нельзя проявить великодушие? Сегодня её день рождения, а ты устраиваешь этот скандал. Неужели так трудно было просто сдержаться?!

Нин Цзяньцзин даже опешил на мгновение. Он и представить не мог, что его обычно сухой и молчаливый старший брат способен на подобную пламенную тираду.

— Гладко излагаешь, прямо не подкопаешься, — Нин Цзяньцзин, превозмогая тупую боль в спине, медленно похлопал в ладоши. В его глазах блеснул ядовитый огонёк. — Позволь только вставить пару замечаний в твою безупречную речь. Во-первых, она — твоя мать, а не моя. Поди спроси у неё сам, признаёт ли она «маленького ублюдка» своим сыном.

Во-вторых, «растила»? Неужто наш старший молодой господин забыл, для чего именно меня держали и содержали в этом доме?

В-третьих, про твоих «вспыльчивых» сестёр... О да, язык у них работает отлично. Вот только спроси у Сян Ди — у её мамочки не только язык без костей, но и руки чешутся будь здоров.

Нин Цзяньяо мрачно бросил взгляд на плачущую малышку, затем — на бьющуюся в истерике Нин Цзяньцзинь, и морщина между его бровями залегла ещё глубже.

— В любом конфликте виноваты обе стороны, Сяо Нин, — твёрдо проговорил Нин Цзяньяо. — За их ошибки я заставлю их извиниться. Но и ты води себя разумнее. Если тебя обижают — скажи мне, я сам всё решу...

Губы Нин Цзяньцзина тронула едва заметная усмешка. Голос его опустился до едва слышного, интимного шёпота:

— Обижают?.. Если бы я действительно принимал близко к сердцу каждую здешнюю «обиду», твой благородный род Нин давно бы не сходил с первых полос криминальной хроники. Понимаешь?

— Сяо Нин, ну почему в тебе столько яда?! — Нин Цзяньяо с горечью уставился на строптивного младшего брата. — Ты ведь в детстве был таким послушным мальчиком! А потом превратился в этот комок иголок. Связался со сбродом, шлындаешь где попало... Все вокруг называют тебя пустышкой и никчёмным, но разве я хоть раз упрекнул тебя? Я не лез в твою жизнь, был готов защищать тебя, вложил деньги в твой киберспортивный клуб, пробивал тебе дорогу! Почему ты не видишь моей заботы?!

— Хорош, — Нин Цзяньцзин вскинул руку, обрывая его на полуслове. Усмешка мигом слетела с его лица. Выпрямившись, он обвёл ледяным взглядом присутствующих и сделал шаг к Нин Цзяньяо.

— Я ядовитый и желчный? Нин Цзяньяо, а ты приложи ладонь к груди. Как тебе моя кровь, текущая в твоих жилах? Не колет изнутри?

Нин Цзяньяо мгновенно застыл. Его рука невольно дёрнулась к груди, прижалась к району сердца, и все приготовленные слова застряли у него в горле.

— Бывай, — Нин Цзяньцзин развернулся и небрежно взмахнул кистью. Сделав пару шагов к дверям, он замер и, не оборачиваясь, добавил: — Ах да. Цзин Сючжу — мой человек. И даже если он сам захочет уйти, я его не отпущу.

<http://bllate.org/book/20061/1991283>